

Подмосковная усадьба князей Трубецких Ахтырка и «Аленушка» Виктора Васнецова

При упоминании об Ахтырке многим в первую очередь вспоминается картина В.М. Васнецова «Аленушка», написанная художником в этом селе. Виктор Васнецов входил в «Абрамцевский художественный кружок», существовавший в соседней усадьбе, которая принадлежала Мамонтовым. Участники Абрамцевского кружка были увлечены крестьянским искусством. Усиленно собирали его образцы, старались возродить народные промыслы в условиях, когда в России начало стремительно развиваться фабричное производство. Е.Г. Мамонтова организовала в усадьбе школу для деревенских ребят и при ней столярную учебную мастерскую. Там художники и нашли применение своим идеям возрождения народного творчества. Больше всего этим занимались В.М. Васнецов и Е.Д. Поленова. В мастерской они наладили выпуск резной мебели в русском стиле. Мебель вошла в моду и стала пользоваться спросом у той части интеллигенции, которая была далека как от настоящего крестьянского искусства, так и от дворянской культуры. Изделия абрамцевской мастерской, темные, тяжеловесные, перегруженные резьбой, малофункциональные, принимались этими потребителями за настоящее русское народное искусство¹. Беда художников в том, что имея благие намерения, были «страшно далеки они от народа».

То же непонимание духа русского народа демонстрирует и картина «Аленушка». Это мрачное, темное полотно находит и сейчас поклонников в интеллигентских и полуинтеллигентских кругах, тем более что является одним из немногих живописных произведений, известных всем со школьных лет. Виктор Васнецов, как и многие передвижники, находившийся в плену воспетых Некрасовым страданий народных, их и решил представить в живописи. Он выбрал трагический момент сказки и изобразил скорчившуюся

девочку с безумным взглядом. Но вспомним финал сказки – благополучный финал: Аленушку вытащили из воды и «одели в нарядное платье», а козленочек вновь превратился в братца Иванушку. В народной сказке другого и быть не могло.

Народное искусство яркое, красочное, праздничное. Поняли это уже художники следующего поколения. Вспомним полотна Филиппа Малявина – «Вихрь» (1906), Бориса Кустодиева – «Ярмарка» (1906), Абрама Архипова – «Гости» (1915) и др. Понимали это и промышленники, вышедшие в люди из народа. Достаточно посмотреть, насколько отвечали традиционным вкусам крестьян, их вековой привязанности к определенным декоративным мотивам и колориту те ситцы, сатины, головные платки, которые выпускали на многочисленных фабриках в конце XIX – начале XX в.

Так что же связывает «Аленушку» Васнецова с усадьбой Ахтырка? Лишь то, что Васнецов какое-то время снимал жилье в этом селе. Интересовала ли его сама старинная усадьба князей Трубецких, рядом с которой он жил? Со всей определенностью можно ответить отрицательно. Ни великолепная ее архитектура, ни жизнь недавних владельцев – князей Трубецких не интересовали художников Абрамцевского кружка. Усадебные постройки мы видим лишь где-то вдалеке на некоторых пейзажах Виктора и Аполлинария Васнецовых. Да еще порой в поле их зрения попадает какая-нибудь деревянная ограда, по-видимому, имеющая отношение к усадьбе.

В.А. Серов заявил: «Я хочу, хочу отрадного и буду писать только отрадное»². Он осуществил свое намерение, написав в Абрамцеве «Девочку с персиками» – полотно, обозначившее рубеж между тенденциозным передвижничеством и новым искусством. Но и ему дворянская культура была чужда. В его «Абрамцевских альбомах» мы находим только один рисунок с подписью «Ахтырка. 1879 год», где изображен фрагмент усадебного дома.

Да что говорить, если никакого впечатления на этих художников не произвели и сохранявшиеся Мамонтовыми интерьеры аксаковских комнат

абрамцевского усадебного дома. И стенка врубелевского камина вломилась в стильный интерьер голубой комнаты с мебелью карельской березы.

Это соответствовало общей тенденции. Ведь и сами владельцы Ахтырки в 1860–1870-х гг. не ценили архитектурного ансамбля усадьбы. Исследователем Ахтырки стал замечательный краевед – Дмитрий Сергеевич Ганешин, влюбившийся в нее еще подростком. Впервые он увидел усадьбу осенью 1921 г., когда перед ним и его спутниками открылся прелестный вид огромного пруда, освещенного лучами закатного солнца, парадный двор, фонтан. «Справа, – вспоминал он, – мы увидели красавицу церковь с белыми колоннами портиков и белым же декором на темно-вишневом фоне основных стен здания, а слева – большой, широко раскинувший свои крылья главный усадебный дом с торжественным фасадом и куполом над его центральной частью. <...> Все постройки в стиле ампир»³. Впечатление было так сильно, что Д.С. Ганешин, выйдя на пенсию, занялся изучением Ахтырки и истории рода ее владельцев князей Трубецких.

Великолепный вид, так поразивший Д.С. Ганешина, Ахтырка приобрела в 20-е гг. XIX в. Произошло это благодаря энергии и хорошему вкусу княгини Натальи Сергеевны Трубецкой, урожденной княжны Мещерской (1775–1852). Один из ее сыновей – Петр Иванович Трубецкой поставил на берегу Вори памятник своей матери⁴. На колонне выбито сочиненное им самим длинное стихотворение, где есть такие строки:

*Ты местность эту сотворила,
Храм Божий, воды, дом и сад.
Саму природу победила,
Все му дав стройный, дивный лад.*

На первое место здесь поставлен храм – неременная принадлежность усадьбы. Возведен он был позже усадебного дома – известно, что освящение состоялось в сентябре 1825 г. В усадьбе уже была деревянная церковь во имя явления Ахтырской иконы Божией Матери. И замена ее каменной произошла после строительства усадебного дома.

Церковь в Ахтырке после реставрации

Авторство Ахтырской церкви и колокольни известно. В Российской государственной библиотеке хранится альбом проектов церквей и колоколен А.С. Кутепова 1829 г. издания. В нем есть и тот проект, который выбрала Н.С. Трубецкая. Надо оценить вкус владелицы усадьбы – ее внимание привлек, несомненно, лучший проект. В начале XIX в. в России было построено немало храмов в стиле позднего классицизма (ампира), в том числе и в ближайшей округе – Покровский собор в Хотьковском монастыре, Никольская церковь в Озерецком, Преображенская – в Радонеже (Городке) и др. Но как отличается от них ахтырская церковь! Можно взять в руки книгу по древнегреческой архитектуре и, подойдя к церкви, убедиться, что в ее декоре использованы элементы дорического ордера – триглифы, метопы, гуты, мутулы... А колонны портиков сделаны с канелюрами. Во всем чувствуется рука настоящего мастера, каким и был Кутепов, ученик Жилярди. Надо отметить и то, что увенчанная высоким шпилем колокольня Ахтырской церкви на редкость стройна, в отличие от большинства колоколен XIX в. Конечно, архитектура таких храмов языческая. Но справедливо заметил один из искусствоведов: «...как ни странно, прежде чуждый нам стиль привился и сроднился с реформированной Россией ближе и дружнее, чем “боярские хоромы”, которые умерли со смертью Алексея Михайловича»⁵.

Вслед за «храмом Божиим» в стихах П.И. Трубецкого идут «воды сотворенные». Пруд в Ахтырке образовался благодаря плотине, построенной на речке Воре. Как выглядела тогда эта местность, мы можем судить по литографии 30-х гг. XIX в.: гладь воды, лодка на ней, пристань и на противоположном берегу великолепный дом.

Пруды придавали усадьбам особую живописность. Постройки обычно располагали таким образом, чтобы они отражались в воде. В годы расцвета усадьбы ценили пруды чистые. В Садовом словаре XVIII в. написано: «...предпочтительно строения должны быть при реках и озерах, хорошую воду имеющих, за неимением которых должно делать пруды <...>. Воздух

чистой и здоровой познается по водам, есть ли вода чиста и сладка; буде же мутна и затхла, то воздух густ и вреден»⁶.

В поэзии эту мысль выразил владелец усадьбы Мураново Евгений Баратынский:

*Я помню ясный чистый пруд
Под сению берез ветвистых...*

1835 г. «Есть милая страна...»

Неизвестный художник. Вид усадьбы Ахтырки. 1830-е гг. Литография

Но пруды требуют ухода, как живые существа. Перефразируя известное высказывание Антуана де Сент-Экзюпери, можно сказать о прудах: мы в ответе за то, что сотворили. Вскоре после отмены крепостного права чистить пруды стало некому. Тогда поэты и художники стали поэтизировать пруды заросшие. Мы видим это на пейзажах В. Серова, И. Левитана, В. Поленова и, конечно, на этюде В. Васнецова «Аленушкин пруд».

В стихах П.И. Трубецкого упомянут и дом. Усадебный дом в Ахтырке, выстроенный в стиле ампир, – один из архитектурных шедевров первой четверти XIX в. Ампир – стиль торжественный, стремившийся выразить величие. В Россию он пришел из наполеоновской Франции, и Россия стала единственной страной, где этот стиль получил распространение и обрел здесь собственный характер, став стилем дворянских усадеб. А.Н. Греч считал, что Ахтырка представляла собой «едва ли ни единственный уцелевший до наших дней (до начала 1920-х гг. – Т.С.) ансамбль подмосковной усадьбы, целиком выдержанной в этом стиле»⁷.

Мы не можем уверенно назвать автора проекта – документов не сохранилось. Но, несомненно, им был один из лучших мастеров московского классицизма, возможно, сам Доменико Жилярди, отстраивавший Москву после пожара 1812 г. Центральное здание соединено с флигелями открытыми галереями – несвойственное нашему климату решение. На память приходят, пожалуй, только галереи Казанского собора А. Воронихина в Петербурге, впрочем, не имевшие там функционального значения. Стены дома были окрашены в светло-желтый цвет, а колонны и декор – в белый.

Великолепный дворец производил впечатление загородной виллы благодаря открытым галереям и открытой полуротонде садового фасада, что связывало его с окружающей природой.

Но и природа вокруг была преобразована. Сад, упомянутый в стихотворении П.И. Трубецкого, был создан в старом расчищенном лесу. Е.Н. Трубецкой писал: «...глаз, привыкший к стилю, радовался тут на каждом шагу. Мостики, переброшенные через ручьи, с грациозными перилами в березовой коре, круглая одноэтажная беседка “гриб”, двухэтажная беседка “эрмитаж” с мезонином, с дивным видом с лесистого холма на дом, утопающий в зелени на противоположном берегу реки, пристань для лодок в стиле дома. Весь этот огромный сад с вековыми деревьями, березами, липами, тополями, соснами и елями был раскинут по холмам по обоим берегам реки Вори, запруженной и образующей в Ахтырке широкую водную поверхность с островом посередине, куда мы часто ездили на лодке. Всё это было с любовью и удивительным вкусом устроено моей прабабушкой»⁸.

Ротонда садового фасада усадебного дома

Парадному архитектурному стилю усадьбы соответствовал и стиль жизни генерала от кавалерии сенатора Петра Ивановича Трубецкого (1798–1871). Е.Н. Трубецкой так писал о нем: «Дедушка не только требовал, чтобы все кругом подчинялись стилю, но он и сам ему подчинялся. <...> Раз заведенный порядок повторялся у него изо дня в день, из часа в час. Всё те же часы вставания, всё та же каждодневная прогулка с сидением точно определенного количества минут на названной в его честь княжой скамейке в

парке. И никакая погода не была в состоянии изменить этого обязательного для него расписания.

Однажды в холодный осенний дождливый день моя мать сопровождала дедушку во время прогулки. Когда он, по обыкновению, сел на княжью скамейку, она тоже хотела посидеть вместе с ним, но он дрожавшей от холода рукой вынул из кармана часы и, посмотрев на них, сказал:

– Идите, идите, дорогая, домой, я боюсь, что Вы простудитесь, а я должен оставаться еще десять минут на этой скамейке.

И досидел»⁹.

«В шестидесятых и семидесятых годах этот стиль уже не гармонировал с окружающим. Вся жизнь перестраивалась заново, вследствие чего симметрия дедушкиного стиля подвергалась постоянным вынужденным нарушениям со стороны. <...> Великолепия старой ахтырской архитектуры мои родители просто не понимали, архитектуру ахтырского дома они систематически портили. И происходило это именно от того, что архитектурный стиль был в данном случае лишь ярким воплощением стиля жизненного. У наших предков – Трубецких, архитектурные линии имели значение господствующее; для нас – значение только подчиненное»¹⁰.

Николай Петрович Трубецкой, последний из Трубецких, владевших Ахтыркой, был увлечен музыкальной жизнью Москвы. И свою энергию, и средства тратил он на организацию Московского отделения Русского музыкального общества и на создание Московской консерватории. «Все наше детство, – писал его сын Е.Н. Трубецкой, протекло под впечатлением ухода Папа в музыку – в буквальном смысле слова»¹¹. Это увлечение и семейные обстоятельства привели к тому, что в 1879 г. Ахтырку пришлось продать.

Должно было пройти время, чтобы в обществе изменилось отношение к усадебной культуре. Понимание ее ценности возникло только в самом конце XIX – начале XX в. В этом велики заслуги С.П. Дягилева, редактора, а потом издателя журнала «Мир искусства» (1898–1904) и барона Н.Н.

Врангеля, который публиковал многочисленные статьи в журнале «Старые годы» (1907–1916). Эти издания возбуждали в обществе интерес к старине. Н.Н. Врангель обращался во все концы России с просьбой сообщать об интересных и малоизвестных памятниках культуры прошлого, ездил и сам по провинциальным городам и усадьбам, разыскивая произведения искусства. С горечью писал он о том, что помещичьи дома, парки, усадебные постройки в большинстве своем пребывают в грустном запустении. Исчезала «милая, ласковая и дорогая поэзия помещичьего быта»¹².

Так что не надо думать, будто усадьбы погибли в результате революции 17-го года. Процесс угасания дворянской культуры начался намного раньше. Век русской усадьбы был недолог. Дворяне смогли заняться устройством своих поместий только после указа Петра III о вольности дворянства (1762 г.), когда военная служба для них перестала быть обязательной. А уже через сто лет, с отменой крепостного права, начался упадок дворянской культуры. Усадьбы попадали в руки купцов и промышленников.

Но уходящая поэзия усадебной жизни в начале XX в. оказалась близка нескольким русским художникам. Неизбежность ее гибели особенно чувствуется в картинах Виктора Борисова-Мусатова («Гобелен», «Призраки» и др.), навеянных саратовской усадьбой князей Прозоровских–Голицыных Зубриловка. Сквозь дымку времени художник видит милое прошлое, безвозвратно ушедшее, оставшееся только в мечтах.

А мажорные солнечные пейзажи Сергея Виноградова как будто убеждают нас, что никакого увядания усадьбы нет. В его картинах нет грусти о прошлом, характерной для Борисова-Мусатова. Виноградов видит еще сохранившуюся красоту усадьбы. И, глядя на его пейзажи «Усадьба», «Сад» и другие, так хочется верить, что эта красота нетленна.

Станислав Жуковский, поселившись в одном из уже пустовавших усадебных домов Тверской губернии, сумел, как никто, передать неповторимый уют и теплоту старинных интерьеров деревянного

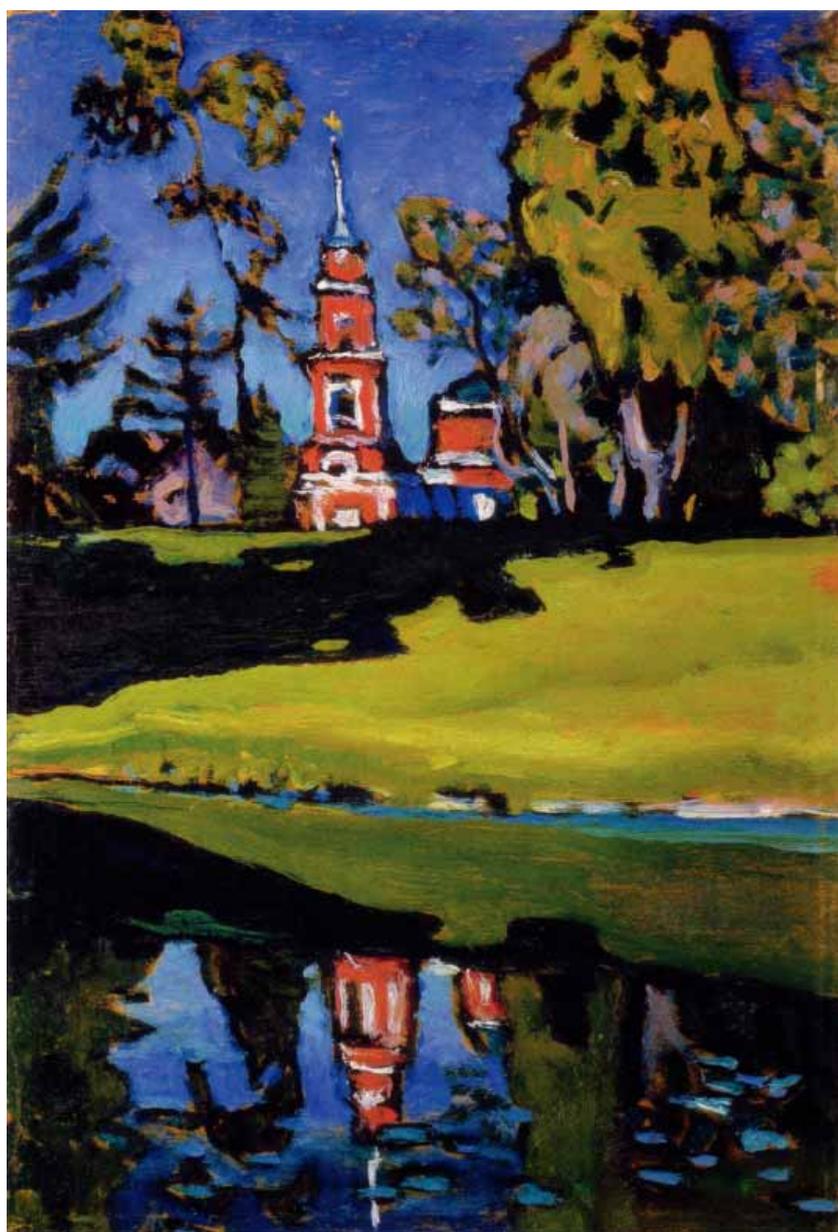
дворянского дома («Поэзия старого дворянского дома», «Радостный май» и другие).

А что же случилось с Ахтыркой? Судьба была к ней сначала весьма благосклонна. Вскоре после продажи ее владельцем стал Сергей Иванович Матвеев, человек широко образованный, ученый, занимавшийся цветоводством. Флигели усадебного дома он сдавал под дачи. И в конце XIX – начале XX в. среди дачников оказалась семья Николая Алексеевича Абрикосова. Н.А. Абрикосов (1850–1935) был внуком крепостного и сыном «шоколадного и конфетного короля». Входил в число владельцев и директоров известнейшего «Товарищества А.И. Абрикосова Сыновей», но интереса к кондитерскому производству у него не было. Получивший университетское образование, он занимался наукой. Вместе с братом издавал журнал «Вопросы философии и психологии», где, в частности, публиковали свои статьи братья С.Н. и Е.Н. Трубецкие. Абрикосовых часто гостил В.В. Кандинский (1866–1944), родственник жены Николая Алексеевича¹³. Впоследствии этот художник приобрел всемирную известность как один из основоположников абстракционизма. А в ту пору он делал рекламные плакаты для Товарищества Абрикосовых и писал пейзажи. Из ахтырских особенно интересен этюд «Красная церковь». Известно, что красный – любимый цвет русского народа. Должно быть, не прошло для художника бесследно увлечение народным искусством: участие в студенческом кружке любителей естествознания, антропологии и этнографии и экспедиция в северные районы Вологодской губернии. Туда он отправился из Ахтырки летом 1889 г. Впоследствии Кандинский старался объяснить словами, какие ощущения вызывают у него разные оттенки красного цвета, хотя и признавал, что «вызывающиеся красочными тонами тонкие бестелесные душевные вибрации не определяются словами».

В этюде ахтырской церкви мы видим резкое сопоставление локальных красных, зеленых и синих пятен. В этой работе он наиболее близок к Анри Матиссу. Его живопись потрясла Кандинского. Но, когда был написан этюд,

не ясно. Исследователи называют разные даты, тем более что Кандинский бывал в Ахтырке несколько раз. Известно только, что художник увидел полотна Матисса во время своего приезда в Париж в 1906–1907 гг.

А облик великолепной ахтырской усадьбы мы можем представить себе не благодаря художникам, а благодаря тому, что просвещенные Абрикосовы, понимая ее ценность, заказали фирме Люмьер и К^о фотографии и даже, что было редкостью в то время, цветные слайды Ахтырки.

В.В. Кандинский. Красная церковь. 1908. Фанера, масло

Дом сгорел в 1922 г., сохранилась только церковь. Она реставрирована и является действующей. К сожалению, интерьер претерпел полное искажение. Пострадала и окружающая природа: нет ни пруда, ни парка, а полуразвалившиеся сараи подступили к северной стене храма. И все-таки стоит приехать в Ахтырку. Уцелевшая церковь даст возможность почувствовать все величие погибшего архитектурно-природного ансамбля подмосковной усадьбы князей Трубецких.

---

¹ *Бочаров Г.Н.* Деятельность художников по возрождению народного искусства.

Абрамцево и Талашкино // Русская художественная культура конца XIX – начала XX века (1895–1907). М., 1969. Кн. 2. С. 341–344.

² Цит. по: *Арзуманова А.И., Кузнецова А.Г. и др.* Музей-заповедник «Абрамцево». М., 1988. С. 188.

³ *Ганешин Д.С.* Ахтырка. Записки краеведа // Панорама искусств. 1981. № 4. С. 385.

⁴ Памятник был перенесен следующими владельцами усадьбы к южной стороне церкви. В настоящее время он отреставрирован.

⁵ *Врангель Н., барон.* Помещичья Россия // Старые годы. 1910, июль–сентябрь.

Републикация: *Врангель Н.* Старые усадьбы. М., 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [booksite.ru>usadba_new/world/16/0/06.htm](http://booksite.ru/usadba_new/world/16/0/06.htm).

⁶ Цит. по книге: ... в окрестностях Москвы. Из истории русской усадебной культуры XVII–XIX веков. М., 1979. С. 148.

⁷ *Греч А.Н.* Венок усадьбам // Памятники Отечества. М., 1995, № 32. С. 126.

⁸ *Трубецкой Евгений, князь.* Из прошлого. М., 1917. С. 9–10.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 13–26.

¹¹ Там же. С. 33.

¹² *Врангель Н., барон.* Указ. соч.

¹³ *Аронов Игорь.* Кандинский. Истоки. 1866–1907. 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: profilib.com.>chtenie/8769/igor-aronov-Kandinsky.

В печати. Доклад на XXIII Забелинских научных чтениях.